

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что наплакал кот

Не успел начаться первый урок, как в класс вошла завуч, оглядела притихший 7 «А» и сообщила, что в пятницу будет годовая контрольная по алгебре.

— Да, да! — завуч пресекла начавшийся шепот возмущения. — Проверять ваши работы будут в РОНО. Так что никаких вам поблажек. Но...

От этого «но» души даже самых отчаянных двоечников, которым что РОНО, что не РОНО — было все равно, покрылись ледяной корочкой.

— Но! — Завуч неожиданно улыбнулась. — Класс, лучше всех написавший работу, поедет в Болгарию.

Все знали, что у директрисы были какие-то связи, и каждый год один класс обязательно

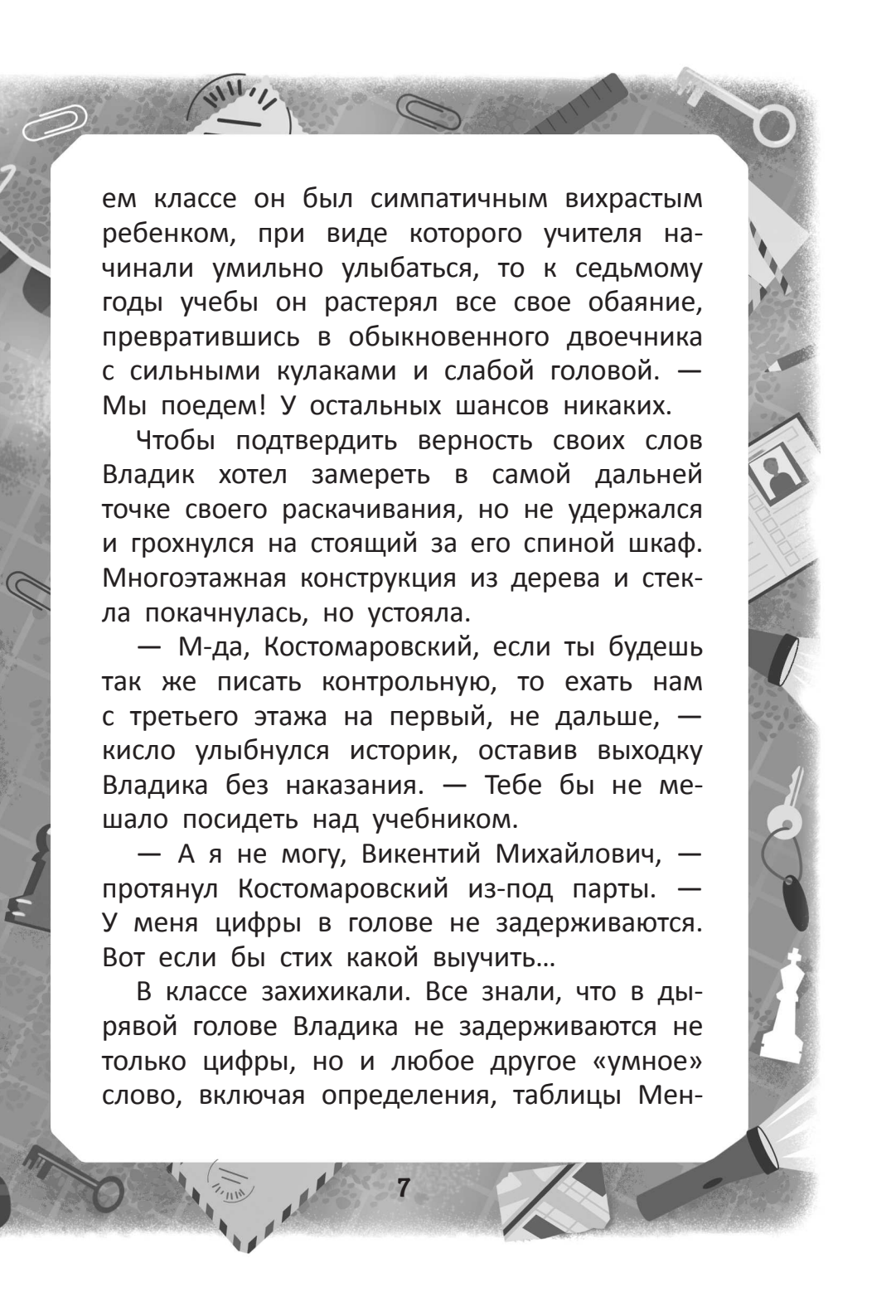
ездил на море отдыхать. Видимо, теперь дошла очередь и до их параллели.

Большой радости это сообщение не вызвало, лица ребят остались настороженными. Завуч последний раз окинула взглядом первые парты и вышла. Стук ее каблучков еще звонким эхом разносился по коридору, а Викентий Михайлович, учитель истории и классный руководитель ашек, сурово спросил:

— Ну, что, седьмой класс, справитесь?

В гробовой тишине муха попыталась перелететь с подоконника на парту толстого Митрофанова, стол которого так вкусно пах бутербродами с телячьей колбасой, которые еще совсем недавно на ней лежали, но испугалась собственного жужжания и приземлилась на бант на голове Каринки Сидоровой. Каринка была настолько увлечена мыслями о предстоящей контрольной, что не заметила этого и позволила мухе спокойно потирать лапки на кромке шелковой ленты.

— А чего тут справляться? — беззаботно протянул Владик Костомаровский и стал демонстративно раскачиваться на стуле. Ласковое имя Владик Костомаровский сохранил с начальной школы. Но если в треть-

ем классе он был симпатичным вихрастым ребенком, при виде которого учителя начинали умильно улыбаться, то к седьмому году учебы он растерял все свое обаяние, превратившись в обыкновенного двоечника с сильными кулаками и слабой головой. — Мы поедем! У остальных шансов никаких.

Чтобы подтвердить верность своих слов Владик хотел замереть в самой дальней точке своего раскачивания, но не удержался и грохнулся на стоящий за его спиной шкаф. Многоэтажная конструкция из дерева и стекла покачнулась, но устояла.

— М-да, Костомаровский, если ты будешь так же писать контрольную, то ехать нам с третьего этажа на первый, не дальше, — кисло улыбнулся историк, оставив выходку Владика без наказания. — Тебе бы не мешало посидеть над учебником.

— А я не могу, Викентий Михайлович, — протянул Костомаровский из-под парты. — У меня цифры в голове не задерживаются. Вот если бы стих какой выучить...

В классе захихикали. Все знали, что в дырявой голове Владика не задерживаются не только цифры, но и любое другое «умное» слово, включая определения, таблицы Мен-

делеева и умножения, а также все физические, химические и алгебраические формулы.

— Надеяться на одних отличников глупо, — прервал смешки историк и внимательно посмотрел на первые парты, где, как обычно, обитали жители страны «Запятеричье». Каринка Сидорова с мухой на голове, очкастая и страшно вредная Ирка Крюкова, долговязый Жека Стриженов и тихий, испуганный Митька Емцов. — Надо как-то и всем остальным подтянуться. В классе «Б» тоже хватает отличников.

— Зато в «В» их кот наплакал, — ввернул как всегда громогласный Макс Лавренко. — А уж с бэшками мы как-нибудь разберемся. В конце концов, их можно и подкупить.

— Никого мы подкупать не будем, — хлопнул ладонью по столу Викентий Михайлович. — Борьба должна быть честной. Занимайтесь, и я уверен, что летом мы непременно поедем на Черное море.

Все почему-то дружно зааплодировали, и только отличник Митька Емцов еле слышно спросил:

— А как-нибудь достать вариант контрольной можно? — И испугавшись, что его

неправильно поймут, добавил: — Ну, чтобы всем подготовиться.

Историк пропустил вопрос мимо ушей. Видимо, для него добывание контрольной не относилось к разряду «честной борьбы».

— Ну, что же? — Викентий Михайлович открыл журнал. — Надеюсь, никто не поленится пару раз заглянуть в учебник алгебры и вспомнить основные формулы. А пока мы займемся эпохой Екатерины Великой и восстанием Емельяна Пугачева.

Под общий гул голосов муха сорвалась с головы Сидоровой и устремилась к окну. Не заметив стекла, она врезалась головой в прозрачную преграду и обиженно полетела прочь.

А на перемене около класса истории неожиданно появились бэшки.

— Ну что? Посмотрим, кто кого? — Колька Рыбкин зло поглядывал на вышедших в коридор ашек.

— Смотрелки не ломайте, — как всегда вылез вперед Макс. — Все равно наша возьмет!

— Это чего это ваша? — насупился Вовка Карманов и засунул руки в карманы брюк. — Верняк — мы на море поедем.

— В следующем году, — мрачно про-
бормотал Митрофанов, вытирая большущее
красное яблоко о рукав. — А в этом — мы.
Не спешите покупать чемоданы.

— Посмотрим! — с вызовом повторил
Рыбкин, и бэшки не спеша удалились.

— Как бы они чего не надумали. — Ми-
трофанов откусил половину яблока и стал
с хрустом его жевать.

— Пускай только попробуют. — В глазах
Лавренко появился азарт предстоящей борь-
бы не только на листочках в клеточку, но
и в реальной жизни. — Мы им тоже что-ни-
будь отчебучим.

— Это мы можем, — согласился Владик
Костомаровский, провожая недобрый взгля-
дом уходящих Вовку с Коляном.

Все вернулись в класс. Жизнь потекла своим
чередом, пока не наступил следующий день.

Во вторник Каринка Сидорова пришла в
школу с перебинтованной правой рукой.

— Ничего себе, — присвистнул стоящий
впереди всех Лавренко. Он с любопытством
рассматривал тугое переплетение бинтов на
руке отличницы. — Как это тебя угораздило?

— Ой, что теперь будет. — Ирка Крюкова
поправила сползающие с носа очки и под-

перла кулачком тощую щеку. — Как же ты писать будешь?

— Можно диктовать, — предположил отличник Жека Стриженов, со странной улыбкой наблюдая за Каринкой.

— Ага, причем на весь класс, — хихикнул Митрофанов, шурша оберткой от «Сникерса». — Тогда у половины точно будут пятерки. — И он вгрызся в коричневый батончик.

— А у глухих и шестерки, — мрачно добавил Стриженов.

— Меня мама вчера в поликлинику повела, — всхлипывала Сидорова, утирая мокрые щеки белоснежным бинтом. — А там дети бегали. И я... Я даже не успела заметить, как мне дверью ударили прямо по руке. Врач сказал, перелома нет, но неделю в гипсе проходить придется.

— Видишь, как все удачно получилось. — Макс довольно жмурился, словно от Каринкиной травмы ему была самая большая прибыль. — И по руке получила, и ко всем врачам успела.

— Дурак! — От возмущения Сидорова даже плакать перестала. — У меня справка — освобождение от школы на неделю.

— Минус отличник, — тихо произнес Жека, и все головы повернулись к нему.

— Ничего, оклемаешься, — без тени жалости протянул Костомаровский, который за свою жизнь ломал конечности не раз и не два. — Ты ручку между пальцами засунь и пиши. За неделю натренируешься.

Одноклассники выжидательно посмотрели на Каринку, словно она должна была прямо сейчас дать честное-пречестное слово, что будет заниматься днем и ночью и непременно к пятнице научиться писать рукой в гипсе, а если понадобится, то и обеими ногами. Но из глаз Сидоровой снова полились слезы, и честного слова от нее класс не дождался.

— Ты чего это про «минус отличник» заговорил? — негромко спросил Владик, подбываясь ближе к стоящему в задумчивости Стриженову.

— Да так... — Жека забрался на подоконник. — У нас с бэшками было одинаковое количество отличников. То есть шансы на хороший результат пятьдесят на пятьдесят. Без Сидоровой шансов у нас становится меньше. Если, конечно, кто-нибудь еще кроме нее на пятерку не напишет.

Костомаровский посопел, почесал в затылке и задал вопрос, который определил все последующие события этой недели:

— Так это они, что же, специально сделали?

Стриженов удивленно вскинул бровь.

— Пятьдесят на пятьдесят, — прошептал он.

— Как это? — совсем запутался в математических исчислениях одноклассника Владик.

— Все просто. — Жека растопырил пятерню, соображая, как бы понаглядней все объяснить бестолковому Владиду. — Вот смотри. Какой шанс, что ты на улице встретишь инопланетянина?

Костомаровский уже поднял руку, чтобы почесать в затылке, но движение не завершил.

— Какой уж тут шанс. — Владик решил не утруждать себя подсчетами. — Почти никакого.

— А вот и нет, — радостно щелкнул пальцами Стриженов. — Пятьдесят на пятьдесят. Либо встретишь, либо нет. Так и здесь. Либо все подстроили, либо нет!

И он убежал, оставив одноклассника размышлять над неведомой еще теорией вероятности. Размышления эти быстро его утомили.

Все-таки голова Владика была приспособлена под другое, и Костомаровский пошел обсудить новости с друзьями.

Историк долго изучал покалеченную руку Каринки, а потом грустно покачал головой.

— Да, дела... — протянул он, наблюдая за тем, как Сидорова изо всех сил пытается шевелить почти полностью перебинтованными пальцами. — Вы уж, это, берегите себя, что ли.

Викентий Михайлович оглядел притихший класс. В глазах его подопечных читалось несгибаемое желание живыми и здоровыми добраться до пятницы. А если и отдать свою жизнь, то очень дорого.

— А как будут считать проходной балл? — заговорил вдруг Жека. — Средний или общее число хороших отметок?

— Это ты к чему спрашиваешь? — учитель выглядел заметно погрузневшим.

— Понимаете, Викентий Михайлович, — с пафосом заговорил Стриженов. — Если на контрольную придут одни отличники и хорошисты, то наши шансы заметно увеличатся.

— Ты предлагаешь всем двоечникам переломать руки? — внимательно посмотрел на него историк.

— Почему же только руки? — Жека был

невозмутим. — Есть еще ноги. А ещё в нашем распоряжении разные простудные заболевания и вирусные инфекции.

Среди тишины раздавалось только урчание вечно голодного желудка Митрофанова. От удивления и возмущения никто и слова сказать не мог. Один Костомаровский довольно улыбался. Перспектива не идти на контрольную его только радовала.

Историк ушел, больше ничего не сказав. А что тут было говорить? Контрольная — это честная борьба, никаких обманов и хитростей здесь быть не должно. Да и помешать проверке знаний по алгебре учеников седьмых классов могло только стихийное бедствие в виде цунами или тайфуна. Но ни того, ни другого в Москве весной не бывает, поэтому, обсуждай не обсуждай, контрольную все равно писать придется.

На пороге класса Викентий Михайлович разминутся с литератором. Стоял в дверях Сергей Юрьевич уже давно, слышал весь разговор 7 «А», поэтому добродушно улыбался. Потом он долгим взглядом посмотрел на Карину и только после этого прошел к своему месту. Впереди их ждало обсуждение несчастной судьбы собачки Каштанки.